

ЭТИМОЛОГИЯ АРМЯНСКОГО НАЗВАНИЯ ОСИНЫ — kaṭatax

Кандидат филол. наук Л. А. САРАДЖЕВА

Среди армянских названий деревьев имеется значительный пласт слов, происхождение которых до настоящего времени не выяснено окончательно. Одним из таких слов является kaṭatax «осина», встречающееся в классическом армянском языке уже в V веке. Одни исследователи приводят для kaṭatax значение *Populus tremula* «осина», другие — *Populus alba* «серебристый тополь»¹. В современном литературном языке наряду с формой kaṭatax встречается также форма kaṭataxi, которая в настоящее время преобладает.

Относительно происхождения названия kaṭatax(i) на современном уровне исследований можно выделить две точки зрения. По мнению Р. Ачаряна, источником арм. kaṭatax является урартский язык, к которому непосредственно или опосредованно восходят и другие похожие названия, распространенные на Кавказе: ср. обозначение «осины» в языках Дагестана, рутульском и лакском — *kalaxi* и *kalax*, и получившие распространение в Атропатене, в частности в азербайджанских диалектах Салмаста и Табриза, названия «осины» *kālāmbār* либо *kālāmbūg* и «тополя» *qālāmā*.

Однако Р. Ачарян допускает также, что источником всех указанных форм может быть мидийский, откуда иррадиировали урартская, армянская и другие кавказские формы. В связи с этим Р. Ачарян обращает внимание на тот факт, что в тегеранском диалекте персидского языка осина называется *tābrizī*. «Это говорит о первоначальной родине этого дерева в Атропатене», — заключает Ачарян. Следует указать также на то, что во всех этих случаях мы не имеем письменных свидетельств о существовании сходных с армянским названий ни в урартском, ни в мидийском. При этом Р. Ачарян не говорит и о сходных формах, имеющих распространение за пределами указанного ареала.

На существование такой параллели для армянского, как дакийское название платана *kalamindar* (*καλαμίνδαρ*), указывает Г. Б. Джаукян (устное сообщение). Гесихий приписывает эту глоссу языку фракийского племени эдонов (*καλαμίνδαρ*· *πλάτανος ἑδοναίος*). У того же Гесихия отмечена и глосса *καλαδία*· *δοκάνη*, с тем же значением «платан». В слове *καλαμίνδαρ*, по предположению О. Н. Трубачева², явно выделяется компонент *-dar*, восходящий к и.-е. названию дерева, который связан со ст.-сл. *дрѣво*, лит. *derva* «сосна», греч. *δέντρο* «дерево, брус, копь»,

¹ Л. Աճառյան, Հայերեն արմատական բառեր, II, Երևան, 1973, էջ 499.

² В. П. Нерознак, Палеобалканские языки, М., 1978, с. 49.

др.-инд. *daṛu* „дерево (материал)“, хетт. *taṛu* „дерево“³. Если оставить в стороне первый компонент глоссы Гесихия *χαλαδία δούχη*, которую А. фон Блюменталь (*Hesychstudien*, 39) сопоставляет с греч. *κλαδός*, „побег“ и которая ввиду фонетического оформления несопоставима с арм. *kaṭatax*, то *χαλαμίνδα*, по всей вероятности, родственно армянскому слову. Однако, к сожалению, происхождение фракийского слова также неизвестно⁴.

Если иметь в виду, что Г. Б. Джаукян⁵ сравнивает арм. *kaṭatax* с греч. *χαλαρός* „тростник, камыш, солома“, возводимым к и.-е. **kʰolā-mos*⁶ (откуда также прасл. **salma*, лтш. *saļms* „соломинка“, др.-прус. *salme* „солома“, др.-в.-нем. *halm*, *halam* „стебель“, лат. *culmus* „соломинка“), и допускает возможность происхождения армянского слова из индоевропейского источника через какой-то язык кентумного типа, то возможно возведение к сходному источнику и фрак. *χαλαμίνδα*. С ними в данном случае объединяется также греч. *χαλαμίνθη*⁷ „кошачья мята“, происхождение которого до настоящего времени не выяснено окончательно и для которого Г. Майер⁸ восстанавливает первичную форму **χαλαμο-μίνθη*, а Э. Швицер⁹ — **χαλαμ-ινθος*.

Помимо указанных параллелей, бросается в глаза явное сходство арм. *kaṭatax* с древнеиндийским *kṛmukah* „определенный вид дерева“¹⁰ и славянским **čermъxa* — *Prunus Padus* (словен. *črēmha*, *črēmša*, др.-рус. *черемъха*, рус. *черемуха*, др.-чеш. *trēmcha*, чеш. *střemcha*, слов. *čremcha*, польск. *trzemcha* и т. д.)¹¹. Следует отметить, что древнеиндийское слово, встречаясь в разновидностях *kṛmukah*, *kramukah*, *kṛmukaḥ*¹², не имеет надежной этимологии. Славянский корневой элемент **čermъ* < **kerm-* также затемнен и с трудом поддается этимологизации. В отношении прасл. **čermъxa* высказывалось мнение, что оно семантически связано с и.-е. названием червя **kṛm-*¹³, что на наш взгляд неубедительно, тем более что мнения относительно мотивов номинации расходятся.

³ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, I, М., 1964, с. 502.

⁴ Иван Дуриданов, *Езикъ на траките*, София, 1976, с. 22.

⁵ Г. Б. Джаукян, *Очерки по истории дописменного периода армянского языка*, Ереван, 1967, с. 188.

⁶ J. Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern und München, 1949–59, S. 612.

⁷ H. J. Frisk, *Griechisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, I, 1954, S. 760.

⁸ G. Meyer, *Griechische Grammatik I*, Leipzig, 1896.

⁹ E. Schwyzler, *Griechische Grammatik I*, München, 1939³, S. 526.

¹⁰ M. Mayrhofer, *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, Bd I, Heidelberg, 1956, S. 683.

¹¹ М. Фасмер, IV, М., 1973, с. 339; *Этимологический словарь славянских языков*, 4, М., 1977, с. 67.

¹² M. Mayrhofer, указ. соч., с. 683.

¹³ K. Moszynski, *Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego*. Wrocław, 1957, s. 29. Интересно отметить то обстоятельство, что индологи не связывают вышеприведенные др.-инд. слова с и.-е. названием червя.

Сведение всех упомянутых слов к единой праформе вызывает определенные трудности (ср. начальное арм. *k* при др.-инд. *k* и слав. *č*). Мы склонны предположить доиндоевропейское субстратное (средиземноморское) происхождение не только для армянского, древнеиндийского и славянского слов, но, если прав Р. Ачарян, и для урартского и мидийского. В пользу этого предположения говорят следующие факты.

Во-первых, слова с суффиксами *-ax*, *-ex*, *-ix*, *-ox* и им подобные в латинском и греческом выявляются как формы долатинские, догреческие, относящиеся к тем семантическим группам, которые обозначают вид фауны и флоры, типичный для Средиземноморья (ср. греч. *θρίδαξ* „растение *Lactuca Sativa*, латук“, *οὔλαξ* „*Taxus*, тис“, *ilex*, мак. *Ἰλαξ* „*Quercus ilex*, род дуба с колючими листьями“. Если иметь в виду суффикс *-ax* (арм. *kałamax*), то для этих слов можно предположить такое же происхождение, как для вышеприведенных названий деревьев¹⁴.

Другой характерной особенностью лингвистического доиндоевропейского субстрата является чередование плавных *l: r* в базисах *cala : cara*, *tala „terra“ : tara* и др.¹⁵ (ср. арм. *kałamax*, др.-инд. *kṛmukah*, прасл. **čermъха*). Колебания между *l* и *r* имели место и в других языках, в частности иранских.

Наконец, в пользу этого предположения свидетельствуют хеттские слова, имеющие близкое значение и до настоящего времени не поддающиеся объяснению на хеттской почве: *kalmanna* «топливо, дрова», *GIS kalmišana* (*GIS kalmi-*) с. «полено», *GIS kalmuš*, n., s-St. «загнутый авгурский жезл»¹⁶. Можно отнести сюда и хет. *kalmara* «гора» (*Idgr. HUR. SAG*), если принять во внимание семантическое соотношение «гора—лес (дерево)».

ԿԱՂԱՄԱԽ ԲԱՌԻ ՍՏՈՒԳԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ

Բանասիր. գիտ. քեկնածու Լ. Ա. ՍԱՐԱԶԵՎԱ

(Ա Մ Փ Ն Փ Ն Մ)

Մ դարից հանդիպող և այժմ էլ գործածական կաղամախ(ի) բառի ծագման մասին հայտնվել է մի քանի կարծիք, որոնցից ուշադրության արժանի են երկուսը. 1) Հ. Աճառյանը, բերելով հյուսիսկովկասյան զուգահեռներ, կաղամախ-ի աղբյուրն է համարում ուրարտեերենը կամ մեդերենը. 2) Գ. Զահուկյանը նշում է դակերեն *χαλαμινδαρ* զուգահեռը և կաղամախ-ը հանգեցնում է «կենտում» տիպի ինչ-որ լեզվի: Համադրելով հայտնի փաստերը՝ հոգևածի հեղինակը ենթադրում է այդ բոլոր ձևերի համար նախահնդեվրոպական միենույն ենթաշերտին պատկանող բառի տարածում:

¹⁴ Vaclaw Čiháň, Die charakteristischen Züge des Mediterranen Substrats,— „Archiv Orientalni“, XXII, 1954, S. 422.

¹⁵ Там же, с. 412.

¹⁶ J. Friedrich, Hethitisches Wörterbuch, Heidelberg, 1952, S. 96.